Анатолий Мерзлов

Ностальгия

18+

Анатолий Мерзлов

Ностальгия

«Автор»
2026

Мерзлов А. А.

Ностальгия / А. А. Мерзлов — «Автор», 2026

Каждый человек, с потерей прошлого, поневоле возвращается в своих мыслях в то далекое далеко: ты молод, ты полон надежд – перед тобой необъятный мир и бесконечность. Никто не способен, в том далеком времени, осмыслить полноту своего удовлетворения. Понимание счастья приходит тогда, когда оно от тебя уходит. В повести «НОСТАЛЬГИЯ» счастье возвратно. Инопланетянка Аэлита, ее неземная любовь, ее сын Сайрус, метафизическим перевоплощением, дарят нам надежду на возможность такой реальности

© Мерзлов А. А., 2026
© Автор, 2026

Анатолий Мерзлов
Ностальгия

Писатель Анатолий Мерзлов представляет на ваш суд метафизическую реальность в лирической повести - Ностальгия.

Аннотация.

Каждый человек, с потерей прошлого, поневоле возвращается в своих мыслях в то далекое далеко: ты молод, ты полон надежд – перед тобой необъятный мир и бесконечность. Никто не способен, в том далеком времени, осмыслить полноту своего удовлетворения. Понимание счастья приходит тогда, когда оно от тебя уходит. В повести «НОСТАЛЬГИЯ» счастье возвратно. Инопланетянка Аэлита, ее неземная любовь, ее сын Сайрус, метафизическим перевоплощением, дарят нам надежду на возможность такой реальности.

ЧАСТЬ 1.

КОРОЛЕВА ШАНТЕКЛЕРА.

« …А Находка от Москвы далековато…», - пел баритон из транзистора на шее у зачуханного мужика. Я почувствовал себя внезапно сиротливо, свело горло - на глаза навернулись слезы. Представилось, как же далеко отсюда до родного, тихого курортного городка. Очень далеко: за двумя океанами, за тремя материками, за многими морями, на берегу Черного моря, в зеленом местечке выплакала все слезы старушка-мама, дожидаясь очередной лаконичной радиовесточки: «Меня все хорошо идем Черное море».

Усилием воли сорвал скованность, проглотил слезу и повернулся к Лехе, в прошлом сокурснику, а теперь товарищу по работе. Кроме неухоженного мужика, нас, ожидавших попутку в город, оказалось четверо. Одна из нас - пухленькая, но без лишнего, девушка, слегка за двадцать, в супермини юбочке. Девушка вертелась на отполированном множественным сидением бревнышке, посверкивая розовыми трусиками. Смазливое круглое личико, с деловито отрывистым взглядом, располагало к себе. Учтем сорок шесть с Лехой на двоих, плюс восемь месяцев лишения свободного общения с большим миром – где тут до глубокого анализа. Леха был по другой части: балагур, мот и выпивоха, но и он встал в стойку.

Сверху, как на ладони, открывался вид на сопки, круто сбегающие к морю, в них врезалась подковой впечатляющая бухта. У одинокого причала замер наш теплоход, большой и неуклюжий, рядом с миниатюрным причалом, и, игрушечными на его фоне, немногочисленными постройками. В кристальную чистоту воздуха из трубы теплохода вырвался черный дымный шар - это кочегар Твердохлебов, по прозвищу «Булька», пустил «шапку», разжигая котел. Грибовидный шар мазутного выхлопа расползался в потоке воздуха в зловещую черную змею. Все время растворения в воздухе она вещала осведомленным в тонкостях внутренней жизни теплохода о приличном подпитии кочегара.

Леха Кузя – острослов и говорун, поджарый и высокий, похожий на борзую на охоте, сделал резкий маневр, присоседившись на бревнышке плечом к плечу к пухленькой девушке. Он был отличный психолог и уже через пять минут обминал покрытые от пронзительного сквозняка пупырышками, подсиненные холодом полненькие ножки девушки, чему она ничуть не противилась. Подняв пыль, тормознул, словно поднятый со дна морского, ржавый задрипаный вахтовый «ПАЗик» - нам оказалось не по пути. С водителем шальной «Волги», бросившей при торможении зад на юз, сговорились. Девушка и мы с Лехой расположились на тряском

заднем сидении. После Сингапура, экипированные с иголочки: я – в зеленые джинсы под змеиную кожу, голубую, с экстрамодным орнаментом рубашку, Леха – в двойку «Блю Колорадо». По преобладанию прикидом мы могли побить всякую конкуренцию, не только здесь, на краю цивилизации, а и на материке. Леха сыпал треп. «Пончик», как я ее про себя именовал, представилась Надечкой. Переиграть Лошкарева, так называл его только я, в словесном жанре не мог никто. На его фоне я мог себе позволить лишь созерцать. Надечка с первых минут магнитила мой взгляд. Украдкой, кидая на нее взгляды, я, как мог, гасил свое расположение к ней.. В разговоре Надечка предстала начитаннее, чем показалась вначале знакомства. Кривя губы в улыбке, на двусмысленные шуточки Лехи, как мог, я изощрялся остаться в струе. Надечка, быстро освоившись, отрывистыми короткими репликами гасила пыл Лехи. В игре наших перекрестных взглядов чувствовалось нарастающее напряжение. Нетрудно догадаться, какой могла быть цель вояжа молодых моряков после восьми месяцев пуританства… Конечно же, нехитрой: «размагнититься», посетить местную кулинарную достопримечательность - снять легких девочек. Сакраментальные планы, казалось, начинали претворяться в жизнь. В процессе движения, пересели на автобус - он остановился в скоплении нескольких стандартных двухэтажек. Наша попутчица, без особых с нашей стороны усилий, легко согласилась составить компанию на вечер. Пообещала переодеться и вскорости вернуться. Спроси у меня позже, как мы осмелились внедриться, с полными карманами денег, в темные лабиринты дворов, ответить бы не смог. Головы, в состоянии томного ожидания, присоседившихся в веренице собачьей свадьбы «бобиков», не рождали критических мыслей.

Оставив нас у сомнительного по архитектурному исполнению подъезда, к тому же, со сквозным проходом, Надечка растворилась в хитросплетении построек двора.

Ждали долго. Леха не курил, и, всякий раз, когда нервничал, не мог смоктать сигаретку, как привычно для мужика - он по-стариковски брюзжал. Кроме обычного недовольства, по выбрасываемой энергии, Леха мог убедить не только меня, а и все пространство вокруг. В его уверенном предположении - мы лохи, примитивно клюнувшие на примитивное кидалово. Убедительность его рассуждений заставила в какой-то миг поверить в появление с минуты на минуту амбалов, которые потрясут нас, богатеньких Буратин, за ножки.

Надечка появилась вдруг - Леха от неожиданности икнул, и совсем не одна.

- Королева Шантеклера, - представилась очень привлекательная, улыбчивая девушка в донельзя откровенном прозрачном платье. Я не принял представление за самозванство – внешне она вполне тянула на сказочную королеву – оставалось надеть на нее корону, и в сознании этому не произошло ни малейшего противоречия. Косыночка, контрастная красками, с достопримечательностями Гибралтара на ней, эксцентрично прикрывала красивую мраморную шейку. Она была выше и стройнее своей подруги. Легко, по-дружески, «королева» прихватила меня рукой за талию. Каблучками белых туфелек задавая ритм, увлекла вперед. Леха и Надечка отставали. Помнятся ее необыкновенно любознательные, искрометно горящие глаза. Непринужденным мотыльком она порхала вокруг меня, задавая в беспорядочном полете вопросы, не дав высказаться до конца, суматошно, как и двигалась, рождала очередные вопросы. От такого сумасшедшего ритма я быстро устал. Стал отбиваться отдельными репликами. В конце концов, я замолчал, предоставив ей полное право упиваться собой. В общении красота ее перестала доминировать, и я с усмешкой представил ее квакушкой, старающейся «из кожи вон» быть заметной среди «говорливых» придворных болотного королевства. За спиной открывалась картина обратно противоположной: здесь Лошкарев извивался в пантомиме, меж тем, спутница его кидала печальные взгляды в мою сторону. В состоянии молчаливого диалога, я плыл во взвеси, одурманенный нескончаемыми посылами «королевы». Когда под сенью двух вековых деревьев открылся фасад ресторана, я понял: планы, рожденные в период ожесточения в плавании, чудесным образом претворяются в жизнь. И, если бы не «королева», со своей

никчемной для меня картинностью в лице, банальные на земле, и такие магнетические в далеких морях мысли, могли преподнести мне сиюминутное счастье.

В огромном зале ресторана доминировала подиум-сцена. Все замерло в ожидании вечернего блюза. У технических столиков суетливо колдовали официанты.

Расположились за столиком на четверых, ели и пили медленно, смакуя каждый свои мысли. В память о далекой малой Родине остановились на всем грузинском. «Цинандали» оказалось отменным, тропическая жажда нашла лучшее свое утоление – девочки тянули «Хванчкару». После второй бутылки Леха начал сникать, его паузы делались все длиннее. На шутовски искривленном лице светилась неприкрытая зеленая тоска. Общение с Надечкой у него не ладилось. Зная Леху хорошо, с минуты на минуту ждал его срыва. Для меня же продолжало работать негласное правило первенства Лехи: Надечка обязана разделить этот вечер с ним. Ее необъяснимая, но влекущая притягательность, для меня работала лучше глянцевой внешности «королевы». Леха терзался нервным нетерпением, предвосхищая молчанием свое вызревающее фиаско. В таком состоянии он обыкновенно надирался. Все, на что мог решиться я, тихо вздыхать, принимая к сведению любой сценарий. Поднимая специально оброненную под стол салфетку, мелькнул взглядом: между смятыми от сиденья аппетитными ляжечками Надечки, узкой розовой полоской светились трусики.

Дикий рев заставил вздрогнуть, и быстрее прервать таинство.

- Музыки, графин водки, зрелищ! – взрычал громогласно Леха. – Соленых огурцов! Шевелись! Двойной тариф!

Леха - прирожденный артист. Роль Кисы ему удавалась особенно, в первую голову из-за невероятного сходства внешностей. Леха родом из Молдавии, с не совсем традиционной биографией. Благодаря своей бесшабашности и известной склонности, тайну семьи узнали все.

Мать – таборная цыганка, нагуляла его от горячего молдаванина. Родив, оставила под воротами городской больницы. Стареющая, бездетная чета врачей, усыновила Леху. Цыганка с этим именем в записке и оставила его, по-видимому, в память о том самом молдаванине. Промеж друзей Лехи не было – был друг с именем «Цыган». С блеском окончив школу, Леха разрушил все планы приемных родителей – не стал врачом. Он поступил в мореходку на противоположном конце земли, и пошел скитаться – цыганская кровь брала свое, только вместо кибитки – теплоход, а бескрайние просторы земли воплотил Мировой океан.

После стакана водки, выпитой залпом, мой друг стал похож на усталого путника, бредущего к миражу в пустыне. Крупная голова его, с оттопыренными ушами, стала головой молодого бойцовского петушка, сбитого с ног наскоком соперника, еще не смирившегося с тем, что он, уж, не боец. Я почувствовал что-то в перегляде подруг, но понял смысл только тогда, когда Леху в такси взялась препроводить «королева».

- К-хо, - выразительно кашлянул, неустойчивый в ногах, Леха.

- Вам нужен пьяный король, ваше ресторанное высочество? - Коснулся он двумя пальцами плеча попутчицы, - рекомендую взять мой анализ крови – там вы увидите все, на остальное…, ваш бродь, я делаю пас-с… - он, юродствуя, козырнул.

- А ты, М-морозец… /Морозец - меня больше никто, кроме него не называл/. Ить, знаете: я н-немножко не в форме, но я борюсь с алкоголем… методом его у-уничтож-жения. Морозец, сделай что-нибудь, в апартаменты мне надобно с другой…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.